

ISSN 0453- 8048

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

*Харківського національного університету
імені В.Н. Каразіна*

№ 877

Серія: філософія. Філософські перипетії

Заснована у 1965 р.

ХАРКІВ 2009

3) між подіями минулого та histories apodexis існує стійка схема інформаційної комунікації; 4) субстанційною рисою histories apodexis є присутність в ній особливого духовного змісту, котре і відрізняє історію від інших гуманітарних наук; 5) у гносеологічному плані histories apodexis будується за певними нормами, котрі рифмуються з законами, згідно з якими розвивається історичний процес [11]. На цих парадигмах histories apodexis будувалась протягом двох з половиною тисячоліть.

Отже, з часів Геродота були закладені основи модерного конструювання історії. Просту ресстрацію легенд та переказів змінила тенденція до аналізу тих чи інших подій. Тим самим була закладена традиція сприйняття історії як подієвої, а історичного твору – як обгрунтованого викладу цих подій. Акцентуючи увагу на встановленні фактичної основи історичного оповідання, стародавні творці історичних текстів ствердили скептичне відношення та недовіру до усної традиції. Лише критична інтерпретація подій була передумовою будь-якого осмислення історичного досвіду.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арендт Х. Між минулим і майбутнім / Арендт Х. – К.: Дух і літера, 2002. – 322 с.
2. Арон Р. Фукидид и историческое повествование / Арон Р. // Избранное: Измерения исторического сознания. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 72-95
3. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
4. Геродот. История / Геродот; [пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского]. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.
5. Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею / Дионисий Галикарнасский // Античные риторика. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 222-233.
6. Козеллек Р. Часові пласти / Козеллек Р. – К.: Дух і літера, 2006. – 436 с.
7. Кузнецова Т. И. Античная эпическая историография. Геродот. Тит Ливий / Т. И. Кузнецова, Т. А. Миллер; [отв. ред. М. Л. Гаспаров]. – М.: Наука, 1984. – 216 с.
8. Полибий. Всеобщая история / Полибий; [пер. и комментарии Ф. Г. Мищенко]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. – 576 с.
9. Тахо-Годи А. А. Ионийское и аттическое понимание термина «история» и родственных с ним / А. А. Тахо-Годи // Вопросы классической филологии. – 1969. – Вып. 2. – С. 107-126.
10. Тахо-Годи А. А. Эллинистическое понимание термина «история» и родственных с ним / А. А. Тахо-Годи // Вопросы классической филологии. – 1969. – Вып. 2. – С. 126-157.
11. Филушкин А. Смертельные судороги или родовые муки? Споры о конце исторической науки в начале XXI в. [Электронный ресурс] / А. Филушкин // Россия XXI. – 2002. – № 4. – Режим доступа до журн.: http://www.russia-21.ru/XXI/RUS_21/ARXIV/2002/filushkin_2002_4.htm
12. Фукидид. История / Фукидид; [пер. Г. А. Стратановского]. – М.: Ладомир, 1999. – 736 с.

© Халимон М. М., 2009.

УДК 1: 930.2

*Мелякова Ю. В.,
Харьковская национальная юридическая академия имени Ярослава Мудрого*

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ИСТОРИИ

В статье осуществляется анализ принципов традиционной и неклассической герменевтических логик истории. Отмечается кризис научно-позитивистской интерпретационной методологии и предлагается новая оригинальная технология деятельной интерпретации истории, превращающей реальность последней в виртуальное «пространство свободного доступа». Динамичная текстуальная

модель воспроизведения истории, которая базируется на метонимическом сопоставлении цитат и смысловом парадоксе, выступает как способ установления особого транскоммуникативного «контакта» с историей.

Ключевые слова: однократное понимание истории, логика высказываний, деятельное понимание, смысловой парадокс, ретроспективная интерпретация, вероятностные истины, ироническое столкновение смыслов, жест истории.

У статті здійснюється аналіз принципів традиційної та неklasичної герменевтичних логік історії. Відзначається криза науково-позитивістської інтерпретаційної методології і пропонується нова оригінальна технологія діяльної інтерпретації історії, що перетворює реальність останньої у віртуальний «простір вільного доступу». Динамічна текстуальна модель відтворення історії, що базується на метонімічному співположенні цитат і смислового парадоксі, виступає засобом встановлення особливого транскоммуникативного «контакту» з історією.

Ключові слова: одиничне розуміння історії, логіка висловлювань, діяльне розуміння, змістовний парадокс, ретроспективна інтерпретація, імовірнісні істини, іронічне зіткнення змістів, жест історії.

In the article there is being conducted the analysis of the principu of traditional and non-classical hermeneutical logics of history. There is being marked the crisis in the scientific-positivistic interpretative methodology and proposed a new original technology for active interpretation of history transforming the latter's reality into a virtual «space for free access». A dynamic textual model for history reproduction based on metonymical collation of the quotations and semantic paradox acts as a means for establishment of the specific transcommunicative «contact» with history.

Key words: momentary thinking of history, logic of expression, active interpretation, semantic paradox, retrospection interpretation, probabilistic truth, ironical collision of senses, gesture of history.

Герменевтическая логика истории рассматривает методы интерпретации истории не как способ установления «достоверного знания» об истории, но как возможность ее однократного субъективного понимания. Работа же в области методологии истории предполагает осмысление таких понятий как «познание истории», «понимание истории», «историческое исследование» и «историческое изложение», логика которых различна.

Все исторические методы – в частности, такие как сравнительно-исторический, историко-генетический, метод структурно-функционального анализа, системного анализа, синхронного и диахронного анализа, аналогии, типологизации, ретроспекции и моделирования, биографический и другие – основываются на принципе историзма (исследовании события по схеме: предпосылка – явление – последствия – прогнозы) и сводятся к констатации исторических фактов, а именно, установление степени «достоверности» источников, «правдивости» сообщаемых ими известий и, наконец, выделения «объективной» фактологической истины [5]. Наш отказ от историографической критики (в смысле «текста о тексте»), принципа историзма, констатации фактов и «объективной исторической истины» свидетельствует о попытке отказа от классической научной методологии исторического исследования, из которой частично остаются в силе лишь источниковедческие методы, касающиеся внешней критики источника, имеющей своей целью установление его подлинности (в смысле происхождения и принадлежности). Уход от исторической критики, ведущей генезис от литературной, еще не означает освобождения исторической методологии от влияния лингвистики, на этот раз проявляющегося в общности текстологических принципов. Логика построения исторического текста и операциональных манипуляций с ним, выводит интерпретатора в активный диалогический режим понимания. Следовательно, проблема понимания истории решается путем совершенствования методов выражения последней, что никоим образом не выводит исследование из горизонта герменевтической логики.

Актуальность исследования. Все лингвистические и синтагматические метаморфозы, о которых пойдёт речь, представляют важность для логики исторического изложения постольку, поскольку блестяще демонстрируют технику избавления от констатированных и утвержденных смыслов и дают реальную возможность для произвольных суждений о вещах. Ключом к такому перевороту в технике понимания служит именно миграция фраз, новая функция имени и то, что В. Подорога определил как «*метасемиозис*» – движение знаков без правил.

Фигура и название дисквалифицируются в результате ненужности утверждения и репрезентации, актуальность приобретает «указательный жест», который именуется и тут же отрицает именуемое, однако не теряет при этом своей позитивности. Поскольку жест позитивен всегда, даже в отрицании очевидного присутствия вещи, – это его внутреннее качество. Таким образом, динамика вербальных знаков и образов задает абсолютно новые принципы исторического нарратива, нацеленного теперь на освобождение смыслов из тюрьмы извращающего их сходства. Симулятивная логика самостоятельных высказываний, задающих понятия, свидетельствует об иной, отличной от Хладениуса и дильтеевской, герменевтической логике истории, требующей уже совсем иных практик ее реализации [4].

Степень изученности проблемы. Одним из направлений современной логики истории является логика исторических высказываний и деконструирования исторических текстов, которые репрезентируют сам акт интерпретации истории как игру, основанную на особой «логике карнавного мира» («мира наоборот»). Логика исторических высказываний и деконструирования исторических текстов прочитывается в текстологических операциях по «префигурированию» нарратива в целях создания интертекстуальных семантических конструкций. Для этого может быть привлечён теоретический опыт западных структуралистов и постструктуралистов: Р. Барта, У. Эко, Ц. Тодорова, В. Беньямина, Ж. Деррида, М. Фуко, М. Бланшо, Ж. Делеза. Проявление языковых игр и фактологических парадоксов истории осуществляется посредством привлечения оригинальной концепции Е. Сидоренко из области логической семантики возможных миров. При этом классическая онтология истории (К. Ясперса, М. Хайдеггера), стремившаяся к универсализации единичного исторического опыта, блокируется ради виртуальной свободы интерпретатора, рефлексии над собственной трансгрессией в его историческом «недо-бытии» или «дискурсе энергии».

Цель исследования: выявить значение текстологии для развития неклассической логики истории, которая смогла бы освободить историка от идеологической обусловленности осознания и описания им мифологизированной истории.

Если осуществлять данное исследование в рамках технологии выражения истории, то следует обратиться непосредственно к логике высказывания в ее догерменевтической аристотелевской традиции [1, с. 91-116]. Сводя сущность вещи к принципу ее построения (форме), понятие – к имени, а понимание – к грамматической организации языка, Аристотель рассматривал лингвистические структуры в качестве отражения форм мышления, не отводя языку (тексту) самостоятельной смыслопроизводительной функции. В речевой форме языка он различал «сказывание» и «высказывание». Сказывание есть некое произнесение, в котором невнятно передано содержание. Оно нейтрально для понимания, поскольку логико-грамматически не оформлено, смысл сказанного не гарантирован. Таким образом, понимание в этом случае осуществляется не в пространстве языка, а за его пределами, за пределами высказывания. Высказывание, напротив, правильно грамматически и логически организовано. Поэтому, согласно Аристотелю, оно доступно для понимания, гарантирует смысл; само впускает в свою среду.

Здесь прослеживается приоритет общего над единичным, целого над частью, необходимого над случайным, сходства над подобием. В модальной логике высказываний не находит применения принцип вероятности. Формы выражения истины у Аристотеля еще не

соотносятся с принципом восприятия и единичным опытом. Если Аристотель ценил высказывания – за их логическую связность, взаимозависимость, то мы выдвинем на первый план сказывания – за их логическую нейтральность. Рождение смысла предполагается теперь не за счет непогрешности морфологических и семиотических конструкций, но, напротив, за счет их крушения и высвобождения фрагментов текста из их исторического контекста. Композиция, в которой «залегал» смысл, заменяется коллажем, в котором смысл имеет возможность быть произведенным. Радикальная смена приоритета – высказывания на сказывание – таким образом, свидетельствовала бы о переворачивании логики Аристотеля будь она собственно герменевтической.

В традиционно-герменевтической логике истории проблема взаимообусловленности *выражения, восприятия и понимания* истории впервые получила разработку у Хладениуса (1710-1759 гг.). Немецкий богослов дал критику исторического разума задолго до критики чистого разума И. Кантом, в одной из своих книг (в 1752 г.) представив первый опыт «логики исторических наук» [10, с. 257]. Хладениус уделил внимание рассмотрению исторических событий, как они попадают в сознание свидетелей, передатчиков, и, наконец, распространителей рассказа; затем отдельно – вопросу логической обработки материала и приведения его в порядок с целью объяснения и, в конце концов, вопросу достоверности и вероятности [10, с. 258]. При этом он рассуждал следующим образом: поскольку все то, что должен соблюдать наш разум при познании истины, относится к логике, то и правила исторического познания составляют часть логики. Современная же философия ведет речь скорее не о «познании истины», а, о ее «создании», однако и этот процесс не должен быть лишен логики, хотя уже совершенно иного типа. Новая присущая процессу поиска истины рациональность определяет, в свою очередь, и новые правила понимания (а не познания) истории, относящиеся в большей степени к логике вероятности, нежели к логике достоверности.

Хладениус отмечал, что когда мы хотим указать на действительность какой-нибудь вещи, которая длится, мы говорим, что она есть, когда же мы хотим указать на вещи, которые совершенно или отчасти преходящи, мы говорим, что они совершаются, происходят («например, солнце есть, сражение происходит») [10, с. 266]. На основании этого Хладениус сделал вывод, что историческое познание есть именно познание того, что совершается, познание вещей существующих, или, точнее, вещей *единичных*. В этом есть эмпиризм истории как науки.

В процессе исследования специфики исторического объекта Хладениус пришел к выводу о том, что историческая интерпретация пользуется индуктивным методом, который, однако, основан на отношении части и целого, а не рода и вида. И в этом случае переход от частного к общему происходит путем чрезвычайных (исторически значимых) поступков с одновременным игнорированием множества индивидуальных обстоятельств. Эмпирические суждения, как результат эмпирического опыта, основаны на восприятии отдельных случаев. Однако им присваивается «общеисторическое» значение. Они являются «образцами» и поэтому представляют собой разновидность общих суждений. Образование же эмпирических, неоднородных множеств, в отличие от математических, однородных, происходит с помощью установления воображаемых связей между их элементами. Эти связи осуществляются отдельными индивидами, которые выстраивают элементы эмпирического множества в определенных соотношениях друг с другом, формируя особое пространство исторического текста. Так в логике исторического познания «образцы» являются представителями неопределенного множества. Кроме того, воображаемый характер связей между отдельными элементами неопределенного множества обуславливает *вероятностный характер* вывода, предполагающий наличие исключений [11, с. 164-165].

В русской философии вопрос о создании герменевтической логики, которая должна была реформировать традиционную логику научного исследования и стать логикой гуманитарных наук на основе разработки логики исторической интерпретации, был поставлен Г. Шпетом. Герменевтика как теория понимания оказалась зависимой от теории знака (семиотики), однако последняя была расширена до логики: «Видеть в знаках не только некий предмет, но так же и понятие» [9]. Так логика пыталась возобновить связь с герменевтикой. Однако проблема, «единичного и опыта» имеет в современной герменевтической логике истории совершенно иное решение: для ее осуществления уже не применима «историческая индукция», принцип холизма, значения «исторической правды» и «неправды», не используется понятие «коллективного предмета» (Хладениус), свидетельствующего о типизации элементов множества. Это делает невозможной прямую экстраполяцию единичного из общего. Единичное теряет статус универсалии и приобретает самодостаточную эксклюзивность. Таким образом, логика понимания истории утратила в постмодерне актуальность своих выводов, но не концептуальность своей проблематики.

В свое время Н. Кареев полагал, и у нас нет оснований с ним не соглашаться, что необходимым условием научной работы и вообще познавательной деятельности является «рассказ» в смысле установления известных повествовательных правил и их рационального обоснования, не зависимо от того, на каком этапе процесса познания они будут проявляться. Как правило, это происходило при осуществлении гипотетического прогноза, обеспечивающего так называемую *ретроспективную интерпретацию*, предполагающую проецирование концовки произведения на его начало. Однако постмодерн позволил обнаружить, что рациональные правила изложения могут проявляться и при задании алгоритма «случайной ориентации» исследователя в хаосе фактов, который в свою очередь, обеспечивает непредсказуемую и *однократную субъективную интерпретацию истории*. Современная логика исторического исследования тяготеет скорее к рациональности второго типа, не устанавливающей правил исторической интриги, а лишь провоцирующей бесконечные ее вариации за счет применения рациональной технологии.

При изучении некоторых явлений действительности исследователи могут ставить их в искусственные условия, рассчитанные на то, чтобы таким путем получить ответы на интересующие науку вопросы. Это экспериментальный метод – метод преимущественно естественных наук. Опыт, получаемый в результате технического эксперимента с историей, имеет весьма относительное практическое значение, и построенные на нем прогнозы будут носить вероятностный характер. «Нечего говорить, – писал в начале прошлого века Н. Кареев, – что экспериментальный метод к истории применим. История – дело прошлое, а с тем, чего сейчас уже нет, никакие опыты невозможны» [3, с. 38]. Однако, динамичность, которая оказывается достижимой благодаря современным интерпретационным технологиям, делает полем для исторических экспериментов не минувшую реальность, но текст – нарративные конструкции. С развитием технических средств хранения и воспроизведения информации экспериментальный метод реализуется в плоскости интерпретационной методологии [4]. Это также связано с тем, что определяющее значение в историко-герменевтической деятельности имеет не прогнозирование, а *идентификация* индивидуального опыта с глобально-историческим. Классическая историософия учитывала, что вследствие невозможности эксперимента в истории, ей приходится довольствоваться одними простыми наблюдениями над изучаемыми предметами и явлениями, когда последние даются в естественно присущих им условиях (в настоящем), или в «достоверно реконструированных» (в прошлом). Современные же технические приемы делают возможным наблюдение исторического события в «лабораторных условиях», когда оно оказывается данным в естественном (так называемом «подлинном») виде в настоящем, что можно назвать «освидетельствованием» утраченной

фактичності. По-прежнему, имеет значение исключительная особенность исторической науки, заключающаяся в том, что она занимается «более не существующим», однако перестает быть фактом то, что «более не существующее» не подлежит «наблюдению». Всё это требует опоры на новую, нетрадиционную логику истории, разработка и обоснование принципов которой и представляет *актуальность* на сегодняшний день.

Язык (прежде всего, текст) становится своеобразным и единственно возможным «присутственным местом» истории (того, что было), а вместе с ней и множественных истин (понимания того, что было). В постмодернизме само отношение между исторической фактичностью и «существованием [вещей] в языке», которое единственное способно натолкнуть на верный способ понимания событий истории, по-прежнему сохраняет важность. Современный антисруктуралистский подход в методах выражения и прочтения истории в корне меняет внешнюю форму, внутреннюю логику, а вместе с этим и функцию текста, уподобляя его фрагментарно вспыхивающей, неупорядоченной, реставрированной памятью о действительности.

Рассмотрению логической семантики возможных миров уделяет внимание Е. Сидоренко [7], допускающий целесообразность поиска исторической истины в контрфактическом пространстве, создаваемом сослагательными условными предложениями; при этом осуществляемое им обсуждение не выходит за рамки модальной логики высказываний. И мир, с которым мы имеем дело в настоящий момент, и миры, которые были в прошлом, и которые будут в будущем, все они относятся к числу «возможных миров». Но к таковым относятся не только они. Тот путь, который прошел наш мир в своем историческом изменении, сам есть лишь один из «возможных». В каждый момент прошлого у нашего мира были альтернативные пути развития, есть они в настоящем и сохранятся в будущем. С чисто логической, формальной, точки зрения, как рассуждает Е. Сидоренко, не имеет значения, какого рода события – важные в каком бы то ни было отношении или не важные ни в каком – различают два возможных мира. Любой иной мир попадает в число равноправных возможных миров. Логика имеет дело не с событиями, но исключительно с высказываниями о них. Поэтому для логики «возможный мир» – это множество предложений, описывающих все факты онтологически возможного мира. Множество это состоит, вероятно, из очень большого, но конечного числа актуально сформулированных атомарных предложений и их отрицаний (что отмечал еще Л. Витгенштейн). Однако всякое изменение в реальном положении дел влечет бесчисленное количество последствий, из чего следует, что потенциально число высказываний о мире является бесконечным, как и число возможных миров [7, с. 254]. Исходя из нашего стремления к наиболее адекватному пониманию того или иного события и своего рода «истинности» (или достаточной убедительности) суждения о нем, целесообразно учитывать при этом влияние на конечный результат не только эмпирического фактора, но и допустимых условных контрфактических высказываний в качестве «возможных миров».

Совершенно очевидно, что найти необходимую аргументацию для осуществления научно-исторического доказательства непросто. Не всегда удастся просчитать последствия тех решений и событий, с которыми имеем дело в настоящем. Каково же делать это, анализируя прошлое при условии неполной и субъективной информации о нем. Часто говорят, что история не знает сослагательного наклонения. И это верно, когда под историей имеются в виду те реальные события, которые произошли в каком-то временном интервале. Но когда речь идет об истории как системе знаний, призванной «отобразить» (как считалось ранее) или, точнее, *создать условия для проявления* тех или иных событий, тогда без сослагательного наклонения (контрфактических высказываний), а значит без конструирования других, предположительных путей развития (иных, возможных миров) обойтись невозможно. Ибо история во втором своем

смысле (как система знаний) с необходимостью предполагает многие такие вещи, которые имеют смысл лишь при допущении альтернативных путей развития. Возьмем, к примеру, отбор фактов с точки зрения их важности. Он с очевидностью зависит от того, считает ли историк, что те или иные факты достаточно серьезно повлияли на течение заслуживающих его внимания событий. Не обойтись историку без попыток понять поведение исторических персоналий, а значит, без предположений об условиях, при которых их действия, поступки могли бы не быть осуществлены, о том, к какому результату могло бы привести иное решение того или иного субъекта истории и, вообще, что было бы, если бы дело было не так, как было. Врядли также возможна история без конкретных оценок деятельности личностей, классов, организаций, государств и так далее. Так, любая оценка, кроме того, что она субъективна, предполагает сравнение того, что было, с тем, что могло бы быть при иных действиях оцениваемых субъектов, а значит мысленное, теоретическое допущение иного, чем это было в реальности – результата. Такое допущение трудно представимо без попыток выразить этот гипотетический результат в виде некоторой нереализовавшейся возможности.

Следует обратить внимание на одно не всегда принимаемое в расчет обстоятельство: оценка прошлых событий, деяний, решений во многом (если не сказать во всем) зависит от того, к каким результатам они в конечном итоге привели. Естественно, в качестве такого результата, как правило, рассматривают объективно сложившееся положение дел. И когда последнее считается неудовлетворительным, соответственным образом характеризуется и оцениваемое решение. При этом может упускаться из виду, что связь такого решения с последующим положением дел, как правило, опосредована множеством других действий, решений, случайностей. И вполне вероятно, что окажись они иными, совсем по-другому выглядело бы и то решение, оценку которого пытаются дать. Таким образом, оценка оказывается зависимой от того, какой из возможных миров оказался реализованным [7, с. 283-284].

Принято полагать, что существует некий единый онтологический мир, с его уникальной историей и не реализовавшимся будущим; в этом мире осуществляет свою познавательную деятельность субъект познания – познаватель, являющийся элементом данного мира. Осознание мнимого единства с онтологическим миром, в котором он пребывает, помогает ему осуществлять исследование истории не отстраненно, как бы экспериментируя в лабораторных, искусственно созданных условиях, но производить «включенное наблюдение» в естественной ситуации путем использования своей новой интегративной способности. При этом умозрительный мир внутренних образов человека, создающийся при участии воображения и под влиянием параллельных контрфактичных рядов, свидетельствует не об онтологической идентификации интерпретатора с миром разновременной действительности (прошлым и будущим) – его инобытия, но, скорее, о виртуальном недо-бытии интерпретатора, небезопасном сближении его с одним из возможных миров, порождающем риск контакта с подлинным. «Подлинное» понимается не как некая реанимированная материальность или субстанция, но как «оплодотворившаяся» в индивидуальном сознании субъекта история, единственная из множества возможных историй, совсем не обязательно совпадающая с той, которая осуществилась в действительности, а необходимо принадлежащая к контрфактичности – миру невозможного. *Подлинное*, таким образом, выступает в качестве некоторого энергийного импульса, воздействующего на познающего субъекта и воспринимаемого им, в качестве потенциальной возможности проявления, или самого принципа бытия истории, иными словами, духа, не находящего, однако, своего «опредмечивания» в объективных формах знания, типа исторической критики, как это было с Абсолютным духом у Гегеля, поскольку «новая подлинность» обнаруживает возможность уникального своего проявления только в субъективных формах сознания.

Основные требования, которые традиционно применялись к субъекту познания, состояли в том, чтобы он умел строить высказывания об онтологическом мире, а также оценивать последние как истинные или ложные; считалось, что познающий называет истинными те утверждения, которые он по каким-то причинам относит к числу «правильно» описывающих свойства и отношения, присущие объектам онтологического мира, и, соответственно, называет ложными те, отрицания которых он считает «истинными». В настоящее время феноменологический подход естественным образом устраняет объективные критерии истинности и ложности исторических суждений. Возможные миры как модели познания позволяют осуществлять сравнение субъективных смыслов, их корреляцию. Сидоренко также склоняется к тому, что мы вынуждены подобрать соответствующее этим моделям новое понимание «истины», ибо трактовка ее как «соответствия» (по сходству) высказывания о вещи онтологическому миру утрачивает смысл [7, с. 279]. На такое соответствие претендует любой познаватель. Верификация высказываний становится возможной только в возможных мирах. А последние отображают только то, что считает истинным (приемлемым, убедительным) сам познаватель. В отношении этого П. Рикер приходит к выводу, что если бы прожитое прошлое было тогда доступно для нас, оно не стало бы теперь объектом познания: ибо когда это прошлое было настоящим, оно было, как и наше настоящее, запутанным, многообразным, непостижимым [6, с. 117].

Логическая проблема *подобия*, с которой тесно связана техника репрезентации прошлого, была затронута Ж. Делезом в его работе «Платон и симулякр» [2, с. 225-241]. Копия является концептуальным образованием, поскольку в ее основе лежит модель, задающая фактор сходства, в то время как симулякр, по словам Ж. Делеза, покоится на несоответствии и разнице, он содержит в себе отсутствие сходства, а «если все же допустить, что симулякр имеет модель, то это будет модель иного рода, модель Другого, из которой проистекают симулякры, вмещающая в себя отсутствие сходства» [2, с. 226]. На поиск такой «модели», обнаруживающей концепт не в выражении объективной идеи (событий, явлений, имевших место в реальности), но в самостоятельном производстве новой, «подражательной» идеи, и направлены наши усилия. В хорошей копии, согласно Ж. Делезу, всегда присутствует продуктивная операция и соответствующее ей если не знание, то хотя бы «правильное мнение», в то время, как подражание обречено на уничижительное значение, ибо оно – «только лишь симуляция». Оно относится к симулякру и обозначает лишь внешний и, якобы, вовсе не продуктивный результат подобия. Этот результат получен за счет хитрости, уловки или ниспровержения идеалов и идолов. «Правильное» мнение исчезает, а остается лишь особый тип *иронического столкновения*. Власть захватывает «искусство столкновения», выходящее за пределы знания и мнения [2, с. 226]. Таким образом, владение техникой симулятивного подражания позволяет интерпретатору избавиться от прерогативы «правильной» точки зрения, что уже имеет позитивный в отношении понимания эффект, аллегорично объясненный когда-то Доном-Аминадо: «Ничто так не мешает видеть, как точка зрения».

Если верить Ж. Делезу, существует два разных способа прочтения мира. Один призывает нас мыслить различие с точки зрения предварительного сходства или идентичности, в то время как другой призывает мыслить подобие или даже идентичность как продукт глубокой несоизмеримости или несоответствия. Первое чтение уже изначально определяет мир копий или *репрезентаций* – парадоксальный мир исторических «фальсификаций» – оно устанавливает мир как изображение. Второе же чтение, в противоположность первому, определяет мир симулякра – мир виртуальной реальности, опосредованно (через копии копий) соотношенный с реальностью исторической – это чтение устанавливает сам мир в качестве фантазма, и именно его применение является оправданным по отношению к истории. *Идентичность*, несомненно, возникает, но возникает как закон, который запутывает и

усложняет все серии и обеспечивает возврат каждой из них в ходе ускоренного движения репрезентируемых цитат. При такой интерпретации симуляция не отделима от вечного возврата, который переворачивает изображения или ниспровергает установленный мир репрезентации. Таким образом, *парадоксальная* форма истории есть единственно возможная форма ее интерпретации. Ностальгирование выливается в диахронную цитацию прошлого – чистое форматирование, вместо копирования.

По мнению М. Фуко, именно Р. Магритт в своих каллиграммах удачно отделил сходство от подобия и заставил играть последнее против первого. У сходства есть «хозяин»: первоначальный элемент, по отношению к которому выстраиваются порядок и иерархия тех все более и более отдаленных копий, которые можно с него снять. Сходство предполагает некоторую изначальную референцию, предписывающую и классифицирующую. По такой схеме писалась классическая история, претендовавшая на сходство с теми событиями утраченной реальности, которые она описывала. Подобие же разворачивается сериями, не имеющими ни начала, ни конца, эти серии можно пробегать в том или ином направлении, они не подвластны никакой иерархии, а распространяются через последовательность небольших различий. Принцип подобия положен в основу современных методов изложения истории. Сходство подчинено репрезентации; подобие служит пронизывающему его повторению. Сходство задается моделью, проводником которой оно должно быть и которую оно должно сделать узнаваемой; подобие пускает в оборот симулякр как обратимую связь от подобного к подобному. «Симулякр скользит по поверхности, и направление его движения всегда обратимо», – пишет М. Фуко [8, с. 58].

Сходство предполагает единственную, всегда одну и ту же констатацию: вот это, вот то, вон там – это такая-то вещь. Подобие же умножает всевозможные утверждения, они словно исполняют вместе некий танец, опираются и валятся друг на друга. Важно при этом, что сходство вовсе не является неотъемлемой принадлежностью вещей. Оно принадлежит исключительно *мысли*, как утверждал сам Р. Магритт [8, с. 62]. Мысль наделяется сходством с тем, что видит, слышит или знает, «она становится тем, что дарит ей мир», что напоминает феномен сознания. Следовательно, свойство сходства присуще лишь мысли, в то время как свойство подобия – изображениям, знакам (средствам выражения). И текст, без сомнения, находится в такой точке деления, по одну сторону которой остается мысль, пытающаяся существовать в модусе сходства, а по другую – вещи, связанные отношением подобия. Так, в своей картине «Это не трубка» (так называется картина, на которой изображена трубка) Р. Магритт лишь старался разрушить сходство рисунка и реальной вещи, а затем – написанного текста и рисунка. Однако название картины только кажется отрицанием, ибо речь идет о том, что вместе со сходством отвергается и констатация существования реальности, но по сути своей является утвердительным высказыванием: утверждением симулякра, утверждением элемента ряда подобия. То же самое происходит при отвергании достоверности исторических списков, что отнюдь не отвергает необходимости их наличествования, но лишь утверждает их сериативную важность в качестве симулякра – единственно возможной реальности истории.

И, тем не менее, историческая наука стремится к «истинному» знанию, основанному на каузальных и финалистски обусловленных цепочках отношений. И в этом заключается основное ее заблуждение, отмечаемое современной философией. Для того чтобы сделать прошлое познаваемым, надо приблизить его в качественном отношении к настоящему, придав ему для этого те же свойства неупорядоченности, непредсказуемости, непостижимости.

Выводы. В итоге, смена исторической парадигмы, иное представление о ходе исторического процесса и исторического времени обуславливают появление новой логики понимания событий прошлого, другой интерпретационной тактики, что влечет за собой изменение способов восприятия и изложения истории и, как следствие, требует разработки

новой исторической методологии. Случайная комбинаторика исторического нарратива, либерализм смыслообразования, альтернативные субъективные идеологии – все это свидетельство «отехничивания» исторических методов. Так, если в основу технических наук, цель которых – эффективное изобретение, положен эксперимент с искусственными вещами, сконструированными по типу объектов живой и неживой природы, то в основе современной исторической науки (а история не только непрерывно описывается, но и переписывается, множа симулякры) лежат инсинуации с «неживой», уже однажды тенденциозно интерпретированной традицией. Если цель исторической науки – оптимальная информативная конструкция, то кибернетико-технологические принципы отбора фактов вполне обоснованно могут применяться в практике писать историю. В качестве *вывода* можно констатировать крушение прежней логики истории и возникновение проблемы установления новой. Наш ее поиск сводится к разработке системы технических приемов нарратива и дальнейшей его интерпретации, основывающихся не на принципах научно-исторической герменевтики, а предшествовавшей ей в хронологическом и концептуальном отношениях герменевтической логики, которая занимается не критикой текста, ведущей происхождение от литературной критики, а конструктивной интерпретацией смысла тех или иных исторических событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Об истолковании / Аристотель. // Соч.: в 4 т.; [пер. с древнегреч.]. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 91-116.
2. Делез Ж. Платон и симулякр / Делез Ж.; [пер. с фр.] // Интенциональность и текстуальность: Филос. мысль Франции XX века. – Томск: Водолей, 1998. – С. 225-241.
3. Кареев Н. И. Историка: Теория ист. знания / Кареев Н. И. – Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. – 281 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Лиотар Ж.-Ф.; [пер. с фр.] // <http://www.philosophy.ru/Library/Lyotard/postmoderne.html>.
5. Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский. – М.: Высш. шк., 1986. – 207 с.
6. Рикёр П. Время и рассказ: в 4 ч./ Рикер П.; [пер. с фр.]. – Ч.1.: Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Унив. кн., 1998. – 313 с.
7. Сидоренко Е. А. Логика. Парадоксы. Возможные миры / Сидоренко Е. А. [размышления о мышлении в девяти очерках]. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 312 с.
8. Фуко М. Это не трубка / Фуко М.; [пер. с фр.] – М.: Худож. журн., 1998. — С. 5-83.
9. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта / Шпет Г. Г. – М.: Тип. «Интернационал», 1927. – 219 с.
10. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критич. и методол. исследования / Шпет Г. Г. – Ч. 1: Материалы. – М., 1916. — 476 с.
11. Юркевич Е. Н. Герменевтическая логика: От философского обоснования к самостоятельной дисциплине / Е. Н. Юркевич // Вісн. Харк. нац. ун-ту. – 2001. – № 531: Філософія. — С. 163-169.

© Мелякова Ю. В., 2009.

УДК 1(091)

Завгородний Р. А.,
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина